

4. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совета о малолѣтнихъ, работающихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. II.

5. Высочайше утвержденное Положеніе о Главномъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ Присутствій // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XIX.

6. О строеніи въ Москвѣ домовъ по плану и о наблюденіи, чтобы улицы были шириною 8 сажень, а переулки 4 сажени // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XI.

7. О сдѣланіи всеѣмъ городамъ, ихъ строенію и улицамъ, специальныхъ плановъ по каждой губерніи особо // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI.

8. Высочайше утвержденное положеніе о новомъ образованіи Строительной части Гражданскаго губернскаго Ведомства // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VII.

9. Уставъ строительный // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи : в XVI т. – СПб. : Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – Т. XII.

10. Уставъ врачебный // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи : в XVI т. – СПб. : Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – Т. XIII.

Дата поступления в редакцию: 27.08.20

I.I. Mach, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

HISTORY OF FORMATION OF STATE SUPERVISION IN THE RUSSIAN EMPIRE FROM THE BEGINNING OF THE XIXth CENTURY TO 1917: BASIC STAGES AND THEIR INSTITUTIONALIZATION

The historical development of state supervision at the beginning of the XIX century to 1917 is analyzed, as well as its legal framework. Its main stages and their characteristic features are highlighted.

Conclusions allowing us to form general ideas about the formation and development of the structure of state supervision bodies, its main forms, goals and objectives are made.

The author proposes positive and negative aspects of the process of development of state supervision of the historical period under consideration. It is emphasized that accounting for identified parties can increase the efficiency of the activities of modern state supervisory authorities of the Republic of Belarus.

Keywords: state supervision, state supervisory authorities, inspection authorities, supervisory committee.

УДК 340.1

В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: vadim_pavlov@tut.by)

КОРПОРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: О СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИЦИИ (ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И ГОСПОДСТВУЮЩИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ)¹

Рассматривается взаимосвязь между трансформацией современного общества под влиянием практик потребления, развитием информационных технологий и оценкой обществом деятельности государственных органов, в частности, органов внутренних дел. Анализируются общие тенденции в формировании современных антропологических практик, выделяются основные характеристики последних. Делается вывод о серьезных противоречиях между традиционной правоохранительной функцией государства и антропологическими практиками, формируемыми под влиянием общества потребления.

¹ Настоящая работа была подготовлена в 2014 г., однако в полном виде не была опубликована. Отдельные фрагменты статьи напечатаны в следующих изданиях [1, 2]. На момент окончательного редактирования статьи в сентябре 2020 г. в нее были внесены незначительные авторские правки.

Ключевые слова: антропология, общество потребления, органы внутренних дел, корпоративная идентичность.

В современных условиях деятельность любого государственного органа осложняется рядом социальных и антропологических факторов, которые традиционно не играли существенной роли в оценке эффективности функционирования государственного аппарата. Социальная и антропологическая реальность заставляют принципиально пересмотреть отношение к функционированию государства и его органов. Если ранее государство в своей деятельности традиционно руководствовалось традиционной шкалой критериев, определяемых поставленными задачами и функциями (политическая, экономическая, правоохранительная и т. д.), то сегодня для обеспечения социального баланса этого уже явно недостаточно. В настоящее время даже качественное и эффективное выполнение государственным органом своей традиционной функции сталкивается с неопределенностью социальной реакции. Общество начинает по-другому, все с меньшим пониманием относиться к государственному бремени в целом, и особенно к государственной правоохранительной функции.

В самой сути деятельности органов по охране правопорядка, в особенности подразделений органов внутренних дел, постоянно и непосредственно контактирующих с населением, совершенно обосновано заложены легальное принуждение и контроль, которые обеспечивают общественную безопасность посредством борьбы и противодействия различным формам противоправного поведения. Так функционируют все национальные полицейские системы мира. Однако в современных условиях эта правовая функция, которая представляется наиболее негативной в массовом сознании среди других государственных функций, уже не воспринимается как закономерная и обоснованная даже при ее минимальности и очевидной эффективности. Это связано в первую очередь с изменением массового сознания в современном обществе, которое можно именовать обществом потребления, комфорта, а также цифровым обществом. Одной из главных тенденций изменения социального сознания в таком обществе является *непрятие иерархии* как принципа построения социальных отношений и общественной жизнедеятельности. Иерархия отражает неравенство социальных статусов и позиций и является одним из ключевых принципов существования любого цивилизованного общества посредством ее формализации в таком социальном институте как государство. Современное общество, формируемое преимущественно инструментами неокapиталистической экономики и цифровыми технологиями, создает антропологический тренд, в котором важнейшей характеристикой личного существования выступают свобода, независимость, несвязанность обязательствами и ответственностью, в том числе принципом иерархии в любых его проявлениях.

Непрятие социальным сознанием функции легального принуждения и контроля со стороны государства и его органов связано также с тем, что в последние два десятилетия в отечественное медийное пространство и социально-правовую сферу все активнее внедряются понятия из политико-правовых дискурсов, в конструкциях которых государство изначально ассоциируется с негативным институтом. Такое воздействие оказывается различными западными институциями (европейскими и международными организациями, фондами, научными институтами), которые целенаправленно разрабатывают повестку для развития стран Восточной Европы исходя из собственной логики развития общества и государственности, основанной на западном пути цивилизационно-культурной эволюции. Такие дискурсы сформированы под влиянием либеральной неокapиталистической экономики, поэтому в них государство рассматривается в качестве «минимального государства», своего рода вынужденного для общества обременения. Например, в последнее десятилетие в наш юридический язык активно вводятся такие понятия, как «агрессор» вместо традиционного понятия «правонарушитель»; «насилие» вместо традиционно четких юридических категорий «правонарушение», «преступление» и т. д., которые указывают как на субъект, так и на нормативное основание идентификации этого субъекта как такового. К этой же теме относится проблематика гендера, соматических прав человека, ювенальной юстиции и т. д.

В отечественной литературе на специфическое конструирование понятия «насилие» впервые совсем недавно обратил внимание А.М. Браусов [3]. Ученый отметил, что в 2018 г. МВД Республики Беларусь была разработана и представлена на публичное обсуждение Концепция проекта Закона «О противодействии домашнему насилию» (Концепция так и не была принята), раз-

работанная с целью имплементации положений Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, открытая для подписания с 11 мая 2011 г. в Стамбуле, Турция (Стамбульская конвенция). Концепция проекта закона подверглась критике на Правовом форуме Республики Беларусь в 2018 г. со стороны белорусских граждан [4], в основном именно за неопределенность понятия и термина «насилие». Ведь «насилие», так как предлагается его понимать в либеральных дискурсах, на самом деле является неотъемлемой составной частью как права, так и государства. То, что именуется «насилием», представляет собой легальный принудительный характер обеспечения правовых предписаний, особенно в сфере охранительного правового регулирования. Без принудительного характера правового регулирования в охранительных отраслях права, т. е. без легальной и легитимной кары, или «насилия», право как социальный регулятор вовсе невозможно. Это аксиома общеправовой теории. Только регулятивного права недостаточно для поддержания правопорядка, так как человек и общество с нравственной точки зрения несовершенны по своей природе.

На тему соматических прав человека и проблем ее интерпретации в отечественном правоведении обратил внимание Д.Г. Василевич, отмечая в заключении своего монографического исследования неоднозначность внедрения в национальную юридическую практику таких прав, как смена пола, эвтаназия, клонирование, а также указывая на необходимость сохранения своих национальных и культурных традиций при нормативном закреплении в национальном законодательстве соматических прав (хотя теория и методология познания прав человека и гражданина, а также понятия человека и личности, используемые автором, полностью основаны на новоевропейском, т. е. западном подходе [5, с. 19–37, 319]).

Несмотря на смысловую очевидность идей и понятий, транслируемых из других политико-правовых дискурсов, сегодня не только в широком социальном сознании, но и в профессиональном сообществе правоведов можно наблюдать развитие тенденций негативного восприятия государства и его деятельности. Современное поколение людей в возрасте 40–50 лет еще достаточно адаптивно воспринимает правоохранительную функцию и понимает ее необходимость. Присутствие в постсоветском обществе большинства этой возрастной группы, сформировавшейся в советской цивилизации, в той или иной мере обеспечивает социальную устойчивость в части оценки и понимания государственной деятельности. Этого, однако, нельзя сказать о нынешнем первом и формирующемся втором постсоветском поколениях, выросших в условиях совершенно другой социальной реальности, во многом сконструированной технологиями и практиками общества потребления. Именно практики общества потребления и антропологические тренды, обусловленные развитием современных технологий – технологий Web 2.0 и PR 2.0 (так называемых социальных медиа) [о технологии Web 2.0 см.: 6], т. е. социальные сети, блоги, сообщества, службы обмена данными, социальные базы данных, новостные социальные сайты, мобильные мессенджеры и т. д., – все больше формируют облик современной социальной и антропологической реальности. Для того чтобы разобраться в воздействиях этих тенденций на деятельность органов внутренних дел и для того, чтобы выяснить, как эти процессы влияют на осуществление правоохранительной функции, рассмотрим, во-первых, что представляет собой современная социальная реальность и какую роль в ее конструировании играют антропологические практики. Во-вторых, какого типа социальность и какие антропологические типы (практики) сегодня являются господствующими.

Идея о том, что общество превалирует над личностью, что личность полностью формируется под влиянием социума, верна лишь отчасти. Советская гуманитарная наука утверждала о полном поглощении личности обществом. Однако современная мировая гуманитаристика утверждает обратное. Как показал современный французский мыслитель Ж.-Л. Нанси, социальное бытие всегда представляет собой «бытие единичное-множественное» [7]. Общество само по себе не является субъектом, а складывается из множественности со-существующих антропологических практик, трендов, которые и определяют облик социума в тот или иной исторический период: «сущность бытия существует только лишь как со-сущность... <...> ...если бытие – это со-бытие, в со-бытии именно это *вместе* и создает бытие, а не прибавляется к нему» [7, с. 58]. И еще: «если субъект существует только вместе с другими субъектами, само “*вместе*” не является субъектом» [7, с. 102]. Под антропологической практикой, или практикой себя, здесь следует понимать уко-

рененную в человеке его личностную жизненную стратегию, представляющую собой тип «возделывания», «производства» себя в социальном мире на основании личностно-конститутивного и ценностного отношения к жизни [8, с. 256].

Если ранее в традиционном обществе ведущими антропологическими практиками были религиозная, позже – светско-этическая, то с 60-х гг. XX столетия с Запада в мировом масштабе начинается экспансия нового антропологического и социального тренда – практики потребления, свойственной постиндустриальному обществу. Ж. Бодрийяр приводит показательную статистику на примере стран Западной Европы и США, тем самым подчеркивая, какую социальную структуру приобретает Запад под влиянием техник потребления. Исследователь проанализировал динамику изменения уровня жизни, суммарное потребление продуктов, уровень материально-технического обеспечения, показатели домашнего комфорта (дорогое оборудование, автомобили и др.), изысканного питания, интеллектуальной любознательности, домашнего досуга, досуга вне дома, структуру расходов граждан (подданных) Франции, Нидерландов, Бельгии, Германии, Италии, Великобритании, Греции, Люксембурга, США в 60–70-е гг. XX столетия [9, с. 19–72].

Что представляет собой антропологическая практика потребления? Техники потребления, либо общество потребления – это не просто общество, которое много потребляет, культивирует «shopping» в качестве основного и центрального типа своей жизни и мировоззренческой установки. В этом, обыденном смысле потребления мы все в некотором роде являемся «потребителями». Однако речь идет о весьма специфическом продукте потребления. Потребление есть прежде всего не сам вещизм как таковой, а потребление знаков и образов, связанных с ним, которые создают специальный инструментарий неокapиталистической экономики, т. е. господствующий мировой экономический уклад. По мнению Ж. Бодрийяра, ключевое место в обществе стала играть идея потребления: «не изобилие и потребление материальных благ, изделий и услуг, а потребленный образ потребления составляют именно нашу новую родовую мифологию, мораль современности» [9, с. 242]. В антропологическом смысле потребление есть сконструированный тип жизни, который сегодня вовлек практически все национальные экономики и социальные системы. Потребление – это тип субъективации, определенная модель существования, которая формирует сознание.

Причины господства культуры потребления совершенно логично объясняются классической политэкономией К. Маркса. Когда в развитии капиталистического хозяйства на Западе в середине 80-х гг. XX столетия западные компании стали производить одинаковый товар по одинаковой себестоимости, а дальнейшее разделение труда и расширение рынка сбыта стало невозможным, в теории капиталистической экономики возникла целая отрасль теоретической рефлексии, связанная с переориентацией средств капитала. В дальнейшем для получения прибыли было решено перенести внимание с усовершенствования процесса производства на конструирование процесса потребления. Собственно так появился брендинг и маркетинг – глобальные инструменты обеспечения и поддержания общества потребления и капиталистического экономического либерального уклада. Канадская социолог Наоми Кляйн отмечает, что примерно в середине 80-х гг. XX в. теоретики менеджмента разработали идею современного капитализма: «преуспевающие компании должны прежде всего создавать бренды, а не производить товары» [10, с. 25]. Брендинг изначально был ориентирован на производство не товаров, а образов, идей, ценностей и стиля жизни, которые создавались и отражались самим брендом [10, с. 26]. Иными словами, брендинг изначально являлся теоретической деятельностью, направленной на создание некоторых идеализаций, а точнее – иллюзий. Эта теоретическая сфера – маркетинг, брендинг и реклама, как отмечает П. Родькин, – изначально в своем ключевом замысле представляла собой «спекулятивные инструменты социально-экономической эксплуатации, выжимания сверх прибыли и поддержания сверх потребления через перманентное повышение добавочной стоимости» [11]. При этом исследователь справедливо указывает на факт табуированности темы эксплуатации в современном обществе, а именно – на то, что «потребление идеологически представляется не как форма „возвращения“ оплаты труда и свободного времени наемного работника капиталу, а как высшее общественное и политическое благо, противопоставляемое тоталитарным и недемократическим режимам» [11].

Кстати, этот важнейший вопрос взаимосвязи потребления и инструментов неокapитализма с политическим ранжированием представляет собой важнейшую и малоизученную, но требующую исследования правоведомы тему, поскольку.. в отечественной юриспруденции отсутствует методологический инструментарий для осмысления политики вне неокapиталистического дискурса, т. е. вне «экономикса» [о критике теории капиталистической экономики и западной учебной дисциплины «Экономикс» см.: 12–14]. Например, очевидно, что в рамках либерального дискурса любая политико-правовая система непотребительского типа либо неполностью поддающаяся правилам брендинга квалифицируется как недемократическая.

Итогом развития спекулятивных инструментов рынка (маркетинг, брендинг, реклама) является тот неизбежный факт, что современная экономическая модель как практика потребления не может существовать долго. Прежде всего это означает, что такой антропологический тренд, как практика потребления, постепенно становится непродуктивным. Спекулятивность этих инструментов и их подлинный инструментальный статус (в отличие от выдаваемого статуса субъекта рынка), возможно, станет очевидным при смене экономической модели, признаки которой ощущаются уже сегодня. Хотя капитализм, как показывает исторический опыт, способен к чрезвычайным трансформациям и живучести за счет продвижения технологий, ведь только изобретение виртуальной реальности открыло для капитала симулякр колоссальной мощи. По этой причине сложно представить, в каком направлении и какую форму приобретет капиталистическая система хозяйства после фазы неокapиталистического развития.

Несмотря на спекулятивность современного экономического уклада и созданной им социальной и антропологической модели потребления, следует трезво оценивать фактичность этого положения: потребление – это серьезный и неустранимый факт нашей повседневности и социальной реальности, и с ним следует считаться¹. Это стандарт современной жизни большинства, а в совокупности с культурой цифровизации общества – всей современной молодежи.

Таким образом, следует констатировать, что инструменты неокapиталистической экономики, а также современные информационные технологии сформировали такой тип человека, такой антропологический тренд, который был неизвестен советскому обществу и традиционному государству. В контексте нашей темы выделим прежде всего следующие антропологические характеристики этого тренда: 1) комфорт, культивация легкости жизни; 2) забвение смерти; 3) неприятие принуждения и иерархий всех типов; 4) технологическое замещение.

В завершение отметим, что когда мы используем понятие «традиционное государство», то под ним в рамках рассматриваемой темы понимается *такой тип публично-правовой организации общества, который в плане коммуникации с социумом не использует либо не в полной мере использует технологическое, дизайнерское сопровождение своей властной деятельности*. Именно к такому типу государств относятся и бывшие советские республики, в которых не имели место «цветные» революции. Исследователь традиционной государственности Н.В. Разуваев под традиционным государством понимает «социально-правовой институт, оформляющий осуществление власти одного лица или группы лиц (коллектива), имеющей имущественно-правовой характер и вытекающей из принадлежащего данному лицу (лицам) права верховной собственности на землю» [16, с. 66].

Список использованных источников

1. Павлов, В.И. Органы внутренних дел в обществе потребления: от традиционного образа к корпоративной айдентике / В.И. Павлов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 апр. 2015 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск, Акад. МВД, 2015. – С. 246–247.

2. Павлов, В.И. Правоохранительные органы в обществе потребления: к вопросу о формировании корпоративного стиля / В.И. Павлов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы Междунар. науч.-теорет. конф. (Санкт-

¹ В связи с событиями «Евромайдана» и его последствиями на Украине нельзя не привести пример с кондитерской маркой «Roshen», которая явилась транснациональным экономическим инструментом финансового обеспечения новых властных субъектов: глобальная сеть наполнилась антикапиталистическими лозунгами с политическим содержанием, о которых ранее никто не задумывался [см., например 15].

Петербург, 28 апр. 2016 г.) / под ред. Н.С. Нижник : в 2 т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2016. – Т. II. – С. 109–111.

3. Браусов, А.М. Стамбульская конвенция и право Беларуси: компаративное измерение подходов к пониманию насилия / А.М. Браусов // Право.бу. – 2019. – № 6. – С. 119–127.

4. О концепции проекта Закона «О противодействии домашнему насилию» [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/forums/actual.aspx?forum=29&topic=10319>. – Дата доступа: 10.09.2020.

5. Василевич, Д.Г. Конституционные основы реализации соматических (личностных) прав: теория и практика : монография / Д.Г. Василевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2018. – 320 с.

6. Быков, И.А. Технологии Веб 2. 0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? / И.А. Быков, О.Г. Филатова // Вестн. СПбГУ. Язык и литература. – 2011. – № 2. – С. 226–237.

7. Нанси, Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси. – Минск : И. Логвинов, 2004. – 272 с.

8. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.

9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М. : Культ. революция ; Республика, 2006. – 269 с.

10. Кляйн, Н. No logo. Люди против брендов : пер. с англ. / Н. Кляйн. – М. : Добрая кн., 2012. – 626 с.

11. Родькин, П. Политэкономика будущего: почему в ней нет места маркетингу и брендингу [Электронный ресурс] / П. Родькин // Интернет-портал «Prdesign». – Режим доступа: <http://www.prdesign.ru/text/2014/politeconom.html>. – Дата доступа: 28.10.2020.

12. Бузгалин, А.В. Открытость политэкономии и империализм mainstream'a: economics как прошлое / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Проблемы соврем. экономики. – 2012. – № 2. – С. 41–47 (Ч. 1); 2012. – № 3. – С. 32–37 (Ч. 2).

13. Бузгалин, А.В. Закат неолиберализма / А.В. Бузгалин // Вопр. экономики. – 2018. – № 2 – С. 122–141.

14. Седов, В.В. Основа изучения экономической теории в вузе: экономикс или политэкономика? / В.В. Седов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2018. – № 7. Серия «Эконом. науки». Вып. 61. – С. 13–20.

15. Покупая Roshen, ты спонсируешь Майдан [Электронный ресурс] : Интернет-портал «Цензор.нет». – Режим доступа: http://sensor.net.ua/photo_news/270315/roshen_oligarha_poroshenko_vy_spon_siruet_e_kstremistov_v_krymu_vlast_poshla_po_stopam. – Дата доступа: 28.10.2020.

16. Разуваев, Н.В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология : монография / Н.В. Разуваев. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2008. – 312 с.

Дата поступления в редакцию: 30.09.20

V.I. Pavlov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CORPORATE IDENTITY OF THE INTERNAL AFFAIRS: ABOUT THE STRATEGY OF FORMING VISUAL COMMUNICATION OF THE MODERN POLICE (CONSUMER SOCIETY AND PRINCIPAL ANTHROPOLOGICAL TRENDS)

The article examines the relationship between the transformation of modern society under the influence of consumption practices, the development of information technologies and the assessment by society of the activities of state bodies, in particular, internal affairs bodies. General trends in the formation of modern anthropological practices are analyzed, and the main characteristics of the latter are highlighted. It is concluded that there are serious contradictions between the traditional law enforcement function of the state and anthropological practices, formed under the influence of the consumer society.

Keywords: anthropology, consumer society, internal affairs bodies, corporate identity.